

Владимир КОЧЕТКОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Вопрос о происхождении российского конституционализма, исходной точки, этапах развития и его характеристиках всегда волновал представителей современной отечественной правовой науки. Существуют две основные позиции относительно происхождения российского конституционализма. Представители первой считают, что идеи конституционализма в России имеют свои давние традиции, уходящие корнями в глубь веков. Вторая позиция (так называемая теория полной рецепции) сводится к утверждению о его заимствовании. По нашему мнению, оба подхода страдают односторонностью, вытекающей из абсолютизации в одном случае уникальных, в другом случае — универсальных характеристик конституционализма. Давая критический анализ этих теорий, автор на основе аксиологической интерпретации конституционализма и гносеологии понятия «конституционный вопрос» определяет исходную точку генезиса российского конституционализма.

Ключевые слова: конституционное правосознание, конституционный вопрос, российский конституционализм, свобода, справедливость, человеческое достоинство

Вопрос о происхождении российского конституционализма является одним из самых дискуссионных в современной отечественной правовой науке. В нем сконцентрированы злободневные проблемы текущей российской политики, такие как толкование ценностей Конституции 1993 г., определение критериев оценки правоприменения и качества государственного управления и др. На сегодняшний день можно говорить о своеобразном *методологическом тупике*, связанном с односторонней трактовкой указанных проблем в отечественном научном дискурсе.

Концепции генезиса российского конституционализма

Среди отечественных авторов существуют две основные позиции по вопросу происхождения российского конституционализма. Представители первой позиции, придерживающиеся *автохтонной концепции*, считают, что идеи конституционализма в России имеют давние традиции, уходящие корнями в глубь веков¹. Известный современный ученый В.А. Томсинов пишет:

¹ См.: Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном (государственном) праве. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 4.

«Самодержавно-монархическая форма правления обыкновенно считается традиционной и судьбоносной для русского общества. Факты показывают, что столь же традиционными для России являлись и попытки преобразования самодержавия в конституционно-монархический строй, при котором император осуществляет законодательную власть с участием представителей общества»². О.Л. Коноваленко также полагает, что идеи конституционализма в России не были заимствованы с Запада, а имеют свои корни и связи с традициями российской общественно-политической жизни, менталитетом русского народа, желанием общества осуществлять контроль над государственной властью³. По его мнению, идеи конституционализма и парламентаризма всегда были значимы для российского общества, т.к. с ними связывались идеалы справедливого порядка в государственном устройстве. Другой известный ученый А.Г. Пархоменко подчеркивает: «Новгородское Вече, Земские соборы — это воплощение идеи народного представительства, ограничения самодержавия, предоставления определенных прав и свобод населению»⁴. А если идеи конституционализма имманентны российскому правосознанию, то все неудачи по их имплементации⁵ в ткань общественного бытия объясняются этим автором отсутствием необходимых экономических предпосылок правового конституционного государства. «До тех пор, пока большая часть населения России имеет низкий уровень материальной обеспеченности, сохраняется огромный дефицит бюджета, нельзя думать о правовом конституционном государстве...»⁶.

Другой исследователь конституционализма в России, П.С. Грацианский, считает, что появление конституционно-демократических идей и первых конституционных проектов относится к XVIII в. «„Кондиции“, предложенные в 1730 г. будущей императрице Анне Иоанновне, были первой попыткой оформить ограничение самодержавия в правовых нормах»⁷.

По мнению Н.В. Мамитовой, характерной для России особенностью является то, что элементы конституционализма (такие как самоуправление, народное представительство, непосредственная демократия) сформировались раньше, чем они получили нормативное закрепление, в т.ч. и в Конституции. По ее мнению, это свидетельствует о том, что «в России существует собственный исторический опыт и традиции конституционализма. Эти традиции не заимствованы с Запада, они имеют исторические корни, а дальнейшее развитие конституционализма в России связано не только и не столько с использованием зарубежного опыта, сколько должно опираться на собственные исторические традиции»⁸.

² Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х — начале 80-х годов XIX века. М.: Зерцало, 2012. С. 9.

³ Коноваленко О.Л. Становление и развитие конституционализма в России. Дис. канд. юр. наук. М. 2005. С. 13.

⁴ Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. Дис. док. юр. наук. М. 1999. С. 6.

⁵ Под имплементацией в широком смысле понимается реализация правовых норм и ценностей в системе законодательства и правоприменительной практике.

⁶ Пархоменко А.Г. Указ. соч. С. 29.

⁷ Грацианский П.С. Конституционные идеи и проекты в России. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1983. С. 239.

⁸ Мамитова Н.В. Российский конституционализм: история и современность. Дис. док. юр. наук. М. 2006. С. 14.

В основе второй позиции по вопросу генезиса российского конституционализма, известной еще с начала XX в., лежит утверждение о его заимствованном характере (так называемая *теория полной рецепции*). Утверждается, что континентальные страны (и прежде всего Россия) заимствовали основные положения и принципы конституционализма преимущественно даже не из первых, а из вторых рук, «не у английского оригинала, а у французской копии»⁹.

Теория полной рецепции на первый взгляд эффектно объясняет причины неудач имплементации принципов конституционализма в ткань российской действительности. В частности, согласно данной теории, институт конституционализма, сформировавшись в условиях западной цивилизации, затем был перенесен в иную социальную среду. В результате российский конституционализм является характерным примером «существования и развития конституционных начал в неадекватной их природе культурной среде»¹⁰.

Критика современных концепций генезиса российского конституционализма

По нашему мнению, как теория автохтонного происхождения конституционализма в России, так и теория полной его рецепции исходят из абсолютизации в одном случае уникальных, в другом — универсальных характеристик конституционализма. Как справедливо отмечает в этой связи В.Е. Чиркин: «Идеи российского конституционализма зародились давно и, с одной стороны, обусловлены влиянием Западной Европы (первые проекты конституций появились в преддверии восстания 1825 года у декабристов — дворянских революционеров после Отечественной войны и их знакомства с французским опытом конституционного развития), а с другой стороны, такие идеи разрабатывались на российском опыте с его элементами общинной организации прошлого, княжеских советов и дружин, практикой городских веч, боярских советов и т.д. (это, кстати, нашло свое отражение в конституционных проектах декабристов)»¹¹.

Такая диалектика общего и особенного была связана, по мнению В.Ю. Захарова, с рядом особенностей генезиса и развития конституционализма в нашей стране. «Во-первых, к концу XVIII века стало окончательно ясно, что наследие Петра I полностью себя исчерпало. Дальнейшие усовершенствования созданной им политической системы необходимого эффекта не давали, а управление старыми методами служилого государства стало попросту невозможно, примером чему являлось убийство Павла I, попытавшегося реанимировать методы властвования Петра»¹². Обратной стороной петровских преобразований, насильственного на-

⁹ Соколов К.И. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб. 1912. С. 62–63.

¹⁰ Пастухов В.Б. Россия на конституционном перекрестке. Конституция как фактор социальных изменений. М.: Моск. общ.-науч. фонд, 1999. С. 9.

¹¹ Чиркин В.Е. Вызовы современности и российский конституционализм: общее, особенное, единичное// Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 46.

¹² Захаров В.Ю. Российский конституционализм 2-й половины XVIII — 1-й четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. Дис. док. истор. наук. М. 2010. С. 3.

саждения европейской системы ценностей среди дворянства, стало осознание образованным меньшинством своих прав, что породило стремление поставить абсолютную власть монарха, как минимум, в определенные правовые рамки.

Во-вторых, к началу XIX в. крепостнические отношения в России, с одной стороны, до конца себя еще не исчерпали, а с другой — однозначно являлись дестабилизирующим фактором общественной жизни (пример крестьянской войны под руководством Пугачева был перед глазами). Причем при сопоставлении с событиями Французской революции роль и характер этого фактора становились особенно очевидными. Это, в свою очередь, предопределяло тесную связь реформы политической системы с решением крестьянского вопроса.

В-третьих, Россия являлась типичной страной, развивающейся по модели догоняющего развития. Статус великой державы, приобретенный при Петре I, запрограммировал Россию на соревнование с экономически более развитыми европейскими государствами. Альтернативой необходимости периодически повторяющейся модернизации была потеря великодержавного имперского статуса со всеми вытекающими последствиями. Исходя из этого, российский правящий режим должен был неизбежно ориентироваться на опыт западноевропейских государств, вплоть до прямых заимствований¹³.

Таким образом, по мнению В.Ю. Захарова, на рубеже XVIII–XIX вв. российский абсолютистский режим столкнулся с насущной необходимостью проведения серьезных преобразований во всех сферах жизни, и прежде всего в политической и социальной. Именно с этого момента *начинает свою историю российский конституционализм*.

На наш взгляд, осознание необходимости перемен в политической системе совершенно не предопределяло неизбежность осуществления ее модернизации на принципах конституционализма. Что, собственно, и показала история, на ход которой повлияло распространение архетипов конституционного правосознания¹⁴ в обществе, прежде всего среди властвующей элиты и интеллектуалов. Ведь еще В.О. Ключевский, обращаясь к истокам формирования боярства, пришел к выводу, что в России все попытки конституционного ограничения власти исходили не от широких слоев общества (так называемого третьего класса), а от узкого привилегированного слоя — фактически, правящей элиты, задачей которого прежде всего являлось обеспечение собственных сословных прав. Именно в этом Ключевский видел причину того, что все попытки конституционных преобразований в России не только не получили широкой социальной поддержки, но и отторгались населением и заканчивались установлением очередного авторитарного режима¹⁵.

¹³ См.: Захаров В.Ю. Указ. соч. С. 3–4.

¹⁴ Под *архетипами правосознания* в данной работе понимаются интерсубъективно признаваемые правовые ценности социума, которые оказывают влияние на рационализацию целей индивидов или социальных групп, а также на способы их достижения.

¹⁵ См.: Ключевский В.О. История сословий в России. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 225–390.

Что такое российский конституционализм?

Насколько вообще применим термин «конституционализм» к истории российского государства и права? Вопрос этот не праздный. Многие исследователи советского периода, изучающие конкретные национальные формы конституционализма, неохотно использовали данное понятие применительно к отечественной истории¹⁶. И.А. Кравец считает, что само понятие «конституционализм» длительное время не использовалось по идеологическим причинам. По его мнению, неприятие термина «конституционализм» применительно к российской истории было обусловлено тем, что эту категорию в советских исследованиях неразрывно связывали с определением «буржуазный», предполагавшим наличие либерально-демократического правопорядка и плюралистической системы, которые отсутствовали как в царской России, так и в Советском государстве¹⁷.

Ситуация начала изменяться (хотя и медленно) в 80-е гг. XX в., когда становление отечественного конституционализма оказалось в центре внимания правоведов, историков, политологов. Так, например, в коллективной монографии «История буржуазного конституционализма XVII–XVIII веков» под конституционализмом подразумевалось следующее.

«Во-первых, сам факт наличия конституции.

Во-вторых, верховенство и определяющая роль конституции как основного закона, т.е. опосредованность политических отношений конституционно-правовыми нормами и конституционная регламентация государственного строя и политического режима.

В-третьих, конституционное признание прав и свобод личности.

В-четвертых, правовой характер взаимоотношений гражданина и государства»¹⁸.

Однако такое понимание, раскрывая содержание понятия через совокупность внешних, главным образом, позитивно-правовых признаков уже вполне сформировавшегося, развитого конституционализма, не дает ключа к изучению конституционализма на этапах его зарождения и становления, выявлению его природы и происхождения. В частности, оно не дает возможности говорить о российском конституционализме XVIII, XIX и даже начала XX вв.

В коллективной монографии, изданной в середине 80-х гг. прошлого века, мы видим уже более широкое толкование понятия «конституционализм». Он рассматривается уже не только в качестве политической системы, при которой власть монарха в государстве ограничена народным представительством, но и в качестве теории конституции как основного закона. Кроме того, один из ее авторов, Грацианский, относит к конституционализму и такие элементы, как теорию представительных учреждений, учение о политических свободах, общественное мнение о конституции, конституционные проекты правительства или политических группировок¹⁹.

¹⁶ См.: Медушевский А.Н. Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М. 1999. С. 74–93.

¹⁷ См.: Кравец И.А. Формирование российского конституционализма: Проблемы теории и практики. Дис. докт. юр. наук. Екатеринбург. 2002. С. 18.

¹⁸ См.: История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсисянц. М.: Наука, 1983. С. 4.

¹⁹ См.: Грацианский П.С. Конституционные идеи и проекты в России. История буржуазного конституционализма XIX века / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Наука, 1986. С. 206.

Такое понимание позволяет трактовать российский конституционализм XIX и начала XX вв. уже «не в смысле достижения конституции и парламента по западным образцам, а в смысле борьбы за политическую свободу и представительство»²⁰. Иными словами, в содержательном плане понятие «конституционализм» раскрывается через свои политические и идеологические составляющие, дополняющие его смысловое ядро, связанное с правовой основой конституционализма. Такой подход открывает перспективу рассмотрения конституционализма не только в структурно-статическом, но и в эволюционно-динамическом ключе.

В этом же русле развивается и позиция А.Н. Медушевского, рассматривающего конституционализм в качестве политической (или правовой) идеологии либерализма. По его мнению, конституционализм это не только основной закон государства и система публично-правовых институтов, но и, что особенно важно, — «социальное движение, имеющее целью создание гражданского общества, правового государства и закрепление этих принципов в основных законах государства и практике функционирования его институтов»²¹. Согласно Медушевскому, российский конституционализм есть синтез западных образцов и российской традиции²². На наш взгляд, это совершенно бессодержательное определение, поскольку западный конституционализм неоднороден и многолик, да и российские традиции тоже вовсе не бесспорная ментальная конструкция.

По мнению Н.А. Бобровой, российский конституционализм есть «система (взаимозависимое сочетание) конституционной идеологии, конституционной теории, конституционного законодательства и конституционной практики, подразделяемой на практику политического конституционного процесса и практику действия, реализации, гарантирования и охраны конституционных норм, принципов и институтов»²³. Полагаем, такой подход позволяет охарактеризовать лишь современный российский конституционализм, оставляя за пределами своего аналитического аппарата вопросы его генезиса.

В поисках преодоления односторонности этих подходов И.А. Кравец предлагает так называемую синтетическую теорию, согласно которой «конституционализм все же имеет набор универсальных принципов, характерных для конституционных и демократических государств, различающихся по этническим и социально-экономическим характеристикам, но в то же время подобные принципы могут иметь национальные особенности реализации в конкретных государствах и существовать наряду с уникальными (специальными и неповторимыми) конституционными учреждениями»²⁴. Остается только неясным, чем такая синтетическая те-

²⁰ Там же. С. 201.

²¹ Медушевский А.Н. Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе. Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы междунар. науч. конференции. Москва, 27–29 мая 1998 г. М.: РОССПЭН, 1999. С. 75.

²² См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 597.

²³ Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России (проблемы методологии, теории, практики). Дис. док. юр. наук. Самара. 2003. С. 41.

²⁴ Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Дис. док. юр. наук. Екатеринбург. 2002. С. 57.

ория может нам помочь при попытке аналитически определить условия и начало происхождения российского конституционализма.

Периодизация истории российского конституционализма

Кравец предлагает следующую периодизацию истории российского конституционализма:

- дворянский (правительственный);
- монархический (1906–1917 гг.);
- советский (октябрь 1917 — конец 80-х гг. XX в.);
- переходный (1989–1993 гг.);
- современный²⁵.

С такой периодизацией согласно большинство современных отечественных правоведов, за исключением тех, кто, подобно А.Г. Пархоменко, ищут истоки конституционных идей в периоде Новгородского Вече и Земских соборов.

Предложенная Кравцом периодизация по методологическим и историческим основаниям не может удовлетворить и нас. Однако по несколько иным соображениям.

Во-первых, выделение дворянского (правительственного) периода вообще сомнительно, поскольку в него хронологически входят и олигархические идеи верховников, предложивших в 1730 г. Анне Иоанновне Кондиции, и радикальные демократические идеи А.Н. Радищева, и своеобразная теория основных законов М.М. Сперанского, и конституционные проекты декабристов. Очевидно, что Конституция Польши 1815 г., относящаяся к этому же периоду, не являлась актом конституционализма, поскольку не ограничивала самодержавную власть, хотя и санкционировала некоторые особенности в управлении данной территорией Российской империи. Аналогично дело обстоит и с конституцией Великого княжества Финляндии 1809 г. Представляется, что любая периодизация должна осуществляться по определенным (и не только хронологическим) критериям. В данном же случае первый этап определяется по социальному слою, представители которого излагали разные, в т.ч. и конституционные, идеи, в то время как последующие этапы выделяются Кравцом уже по другим критериям.

Во-вторых, выделяемый Кравцом монархический этап (1906–1917 гг.) также включает в себя и период «ограниченного» самодержавия (с 1906 по февраль 1917 г.), и период демократической республики с марта по октябрь 1917 г. Очевидно, что если это и конституционализм, то точно совершенно разный.

В-третьих, сомнения вызывает предложение Кравца выделять период советского конституционализма. Правовая доктрина Советского государства вырабатывалась как прямая антитеза принципам так называемого буржуазного конституционализма. Например, советское право полностью отрицало такие принципы, как разделение властей, приоритет прав и свобод человека в государственном управлении и многие другие.

Более взвешенной нам представляется позиция О.Е. Кутафина, выделявшего следующие этапы в развитии российского конституционализма:

²⁵ См.: Кравец И.А. Указ. соч. С. 83.

- генезис конституционных идей;
- монархический конституционализм (начало XX в. до февраля 1917 г.);
- республиканский конституционализм между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.;
- современный конституционализм с 1990 г. по настоящее время²⁶.

Особенностью первого этапа Кутафин считал «возникновение конституционных идей и разработку проектов конституции, ни один из которых так и не был реализован в общероссийском масштабе»²⁷.

Второй этап, по мнению этого ученого, можно охарактеризовать как период думской монархии, запечатленной в Основных законах 1906 г.

Третий период был краткосрочен, что затрудняет его сущностное определение. Но для современной России важно, что именно в этот период утвердилось представление о *желательности республиканской формы правления в нашей стране*. Кутафин вполне справедливо, на наш взгляд, характеризует советский период как отказ от конституционализма. Современный же период развития российского конституционализма рассматривается как этап его возрождения на отечественной почве. Вместе с тем, по мнению Кутафина, несмотря на то, что Конституция 1993 г. стала самой демократичной в отечественной истории, современный конституционализм носит мнимый характер²⁸.

Что такое конституционализм?

Определение этапов зарождения и развития российского конституционализма является важной задачей. Однако, на наш взгляд, прежде всего необходимо определиться с *исходной точкой генезиса конституционализма* как такового. Это позволит построить гносеологическую модель, которая станет основой периодизации.

В широком смысле под конституционализмом следует понимать *публично-правовую этику* (форму правосознания), а также дедуцируемую из ее исходных ценностей (архетипов правосознания) *реальную практику государственного строительства*. Данная форма правосознания считает возможным и необходимым строить на рациональной основе систему государственного управления (взаимоотношений между гражданином и властью), между самими гражданами, а также между индивидом и обществом, и даже между суверенными государствами. Конституционализм исходит из признания равного достоинства за каждым свободно определяющимся (суверенным) субъектом социума (индивид, группа граждан, нация) или международного сообщества (государство). Иными словами, это теоретическая парадигма правосознания, решающая задачу по разработке определенных принципов справедливого устройства общественной жизни, которые позволяют обеспечить реализацию частной и публичной автономии для всех социальных субъектов. При этом *категории «свобода», «справедливость» и «человеческое достоинство» являются фундаментальными ценностями* (архетипами).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что конституция как политико-философский документ высшей юридической силы без конституционализма

²⁶ См.: Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 49–104.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 7, 127–151.

как определенной формы правосознания (картины мира) превращается, как правило, в фиговый листок правящего меньшинства, доминирующего над большинством. В этом случае властвующая элита через принятие конституции просто легитимирует свое господство перед мировым сообществом, подобно тому, как на заре становления европейских государств каждый племенной вождь варваров мечтал получить королевскую корону из рук Папы Римского. Да, появлялись короли, но народы солидаризировались, конституируясь в нации, не через регалии правящего меньшинства, а на основе чувства собственного достоинства²⁹. В современном мире наличие конституции также есть признак суверенности правительства и, следовательно, признания его другими правителями как легитимного и равного. Но наличие конституции само по себе не является гарантией суверенности народа, признания достоинства каждого человека через реальное гарантирование ему прав и свобод. Это также не является гарантией наличия в конкретной стране конституционализма как определенной формы правосознания.

В XVII–XVIII вв. конституционализм являлся теоретическим решением проблемы так называемого «естественного состояния» человечества, которое прагматик Т. Гоббс описывал как состояние «войны всех против всех», а романтик Ж.-Ж. Руссо — как идиллию первобытных дикарей, которых испортили хитрецы, придумавшие собственность, что в конечном итоге все равно вело к войне. Но для обоих вариантов естественного состояния было характерно отсутствие рационально организованной жизни на основе принципов справедливости и права, и вследствие этого полное отсутствие свободы. Такая ситуация с необходимостью ведет к тотальной борьбе за утверждение своего достоинства и прежде всего за свою безопасность. А всякая борьба в социуме приводит к иерархии и тем самым порождает власть. Власть же как ничем и никем неограниченная воля победителя беспощадна и не ограничена, что очень хорошо описал великий немецкий философ Г.В. Гегель в диалектике господина и раба³⁰.

А что же такое свобода и чем она ценна? Еще древние говорили, что *omnis determinatio est negatio* — всякое определение есть отрицание. В этой связи постановка проблематики свободы в правовом дискурсе, по нашему мнению, должна звучать так: *отрицанием чего является содержание понятия «свобода»*. Как справедливо пишет в этой связи известный британский ученый З. Бауман: «Свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свобода делит и разделяет. Свою привлекательность она черпает из различия. Некоторые люди могут быть свободны лишь постольку, поскольку существует форма зависимости, какой они стремятся избежать»³¹. Конституционализм как картина мира исходит

²⁹ В этом плане показателен сравнительный анализ истории государства и права в Англии и Франции. Как известно, признание английской королевской властью существования неотъемлемых и неотчуждаемых прав всех свободных людей, а не только баронов, пленивших короля Иоанна Безземельного, впервые зафиксированное в Великой Хартии вольностей в 1215 году, резко контрастировало с борьбой французских феодалов за свои особые привилегии. Что и позволило Дж. Фортескью вполне обоснованно написать «Похвалу английским законам» в 1470 году. Представляется, что именно благодаря этим особенностям своей правовой системы англичане первыми в Европе осознали себя отдельной нацией, а не просто подданными христианского монарха.

³⁰ См.: Гегель Г.В. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 99–106.

³¹ Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 22.

из того, что *пространство свободы возникает только вне сферы дискреции власти*. Для этой формы правосознания контрадикторность свободы и власти пронизывает всю систему и все уровни общественного разделения труда в любом типе социальности (семье, первичном трудовом коллективе, конфессиональном союзе, племени, современном государстве и т.д.). Именно поэтому *власть необходимо ограничивать и разделять*, т.к. этот общественный институт по своей внутренней логике тяготеет к всеобщности. По своей сути власть есть не что иное, как всего лишь монополизация некоторым социальным субъектом определенных общественных функций, а именно, — функций рационального целеполагания, организации и контроля (т.е. управления), являющихся основными характеристиками общественного бытия. Эта имманентная характеристика власти получила свое отражение и закрепление в юридической и политической науках в понятии «суверенитет».

Всеобщность власти как акциденции (само)управления обществом может быть ограничена только институционально: или традицией, или правом. Последнее в конституционном смысле есть не что иное, как рационализация с помощью догматического метода властных отношений на основе норм морали и архетипов правосознания, intersubjectively принятых данным социальным субъектом (индивидом, родом, племенем, обществом, религиозным сообществом и т.д.). А моральная и правовая оценка, как известно, возможна только в отношении поступков свободной и ответственной (говоря юридическим языком, деликтоспособной) личности, обладающей объективным достоинством, т.е. intersubjectively значимостью в конкретном социуме. Без признания достоинства (или правосубъектности, согласно юридической терминологии) человека невозможна объективация его свободы. Именно поэтому конституционализм сопрягает категорию «свобода» и категорию «достоинство» человеческой личности в неразрывном аксиологическом синтезе. Иначе говоря, *частная и публичная автономия является морально-правовой квинтэссенцией понятия «свобода»*, также она служит объективной предпосылкой достоинства индивида, а способность реализовать это право — субъективным квалифицирующим условием признания достоинства личности со стороны общества и власти. И в этом состоит аксиологическая ценность понятия «свобода» в рамках конституционализма.

Очевидно, что право на частную автономию как существенный аспект свободы человека в его государственном бытии предполагает *наличие реальных возможностей для реализации личного жизненного проекта*. А право на публичную автономию как другая сторона бытия свободы в государстве есть не что иное, как *возможность реально влиять на содержание законов, а также на формы политики по их претворению в жизнь*. Иначе говоря, индивидуально-общественная противоречивая сущность человека проявляется в частности и публичности как двух взаимосвязанных аспектах реализации свободы в наличном бытии государства эпохи модерна.

Для того чтобы признание достоинства человеческой личности, ее права на частную и публичную автономию стали реальностью, а не оставались только теоретически выраженными ценностями, в рамках данной парадигмы были разработаны определенные принципы государственного строительства, направленные на ограничение сферы дискреции власти:

- обеспечение государством реальных условий для частной и публичной автономии гражданина;
- верховенство права, имеющее своей целью защиту свободы и справедливости, а также основных прав человека и гражданина;
- ограничение сферы дискреции государственной власти институционально, в т.ч. независимым судом, применяющим право и законы, направленные на защиту свободы граждан;
- формальное равенство всех (и рядовых граждан, и власть имущих) перед законом в своем праве на частную и публичную автономию;
- четкое разделение по вертикали и горизонтали государственной власти по полномочиям и способам легитимации;
- осуществление законодательной власти исключительно органом народного представительства;
- ответственность исполнительной власти перед высшим законодательным органом народного представительства.

Обобщая, можно сказать, что вышеперечисленные принципы составляют суть конституционализма, поскольку их реализация позволяет *четко ограничить сферу дискреции власти, а значит, и четко определить пространство свободы*. Необходимо также отметить, что сочетание теоретически выраженных ценностей свободы и достоинства человека с требованием честности и справедливости предотвращает превращение конституционализма в некий набор мертвых догм, поскольку предполагается, что на любые вызовы со стороны постоянно изменяющейся социальности даются только такие ответы, которые сохраняют или расширяют сферу частной и публичной автономии. Так, например, для доиндустриального капитализма была адекватна концепция «государства ночного сторожа», а на классовые противоречия индустриального капитализма был дан ответ в виде теории социального государства³².

Исходная точка генезиса российского конституционализма

Исходя из приведенного, во многом абстрактного, определения конституционализма, можно перейти к исходному логическому определению исторического момента его появления. Эта форма правосознания дает о себе знать в виде постановки так называемого *конституционного вопроса*. По своей сути конституционный вопрос есть *реакция на когнитивный диссонанс между ценностями свободы и справедливости и отсутствием реальных условий для их реализации на практике*. Конституционный вопрос взаимосвязывает отсутствие возможностей для реализации права на частную и публичную автономию с особенностями наличных властных институтов и тем самым подрывает легитимность существующего политического и правового порядка. В зависимости от способов решения конституционного вопроса, от уровня рационализации и имплементации ценностей конституционализма в государственном праве и политической практике можно выделить подлинный и мнимый конституционализм, а также его различные национальные формы.

³² Более подробно вопрос об исторических формах конституционализма нами рассмотрен в: Кочетков В.В. Конституционализм и социальный вопрос // ПОЛИС. 2012. № 2. С. 152–163.

Представляется, что такое понимание конституционализма и исходной точки его генезиса позволяют наметить пути решения одного из острейших вопросов отечественной истории государства и права — вопроса о происхождении российского конституционализма. С учетом этого можно выделить следующие периоды развития российского конституционализма.

Первый. Период зарождения и первичной рационализации идей о человеческом достоинстве, его правах и свободах, о необходимости согласия подвластных на тот или иной способ осуществления власти, которую при этом необходимо ограничивать (условно с 1730 г. по 1864 г.).

Второй. Период доминирования идеи народного представительства как основного способа ограничения самодержавия (1864–1906 гг.)

Третий. Период доминирования идеи правового государства (1906 г. — октябрь 1917 г.)

Четвертый. Период отказа от конституционализма (октябрь 1917 г. — 1990 г.).

Пятый. Современный период, характеризующийся доминированием идеи социального правового государства (с 1991 г. по настоящее время).

Первый этап — *этап рецепции* идей западноевропейского конституционализма и их *осмысления* в контексте уникальности российских способов осуществления власти. По социальному составу на этом этапе, естественно, доминировали представители дворянского сословия, точнее говоря, властвующей элиты. На втором этапе ключевой идеей становится *концепция конституционного государства*, причем сущностной его характеристикой считалось осуществление законодательной власти органом народного представительства³³. С учетом социального состава данный этап можно охарактеризовать как *разночинский*, при доминировании научной и творческой интеллигенции. Определенное разочарование в практике функционирования Основных законов 1906 г. привело к перенесению акцента на идею *правового государства* (третий этап), в котором реально осуществляется верховенство права и защита прав человека. Социальный состав здесь идентичен предыдущему этапу. На четвертом этапе на территории России произошел *официальный отказ от теории и практики конституционализма* во имя построения коммунистического общества. Современный же период развития конституционализма в нашей стране характеризуется тем, что доминируют *идеалы социального правового государства*. Данный период отличается широкая демократическая социальная база.

Если рассматривать историю российского конституционализма через призму постановки и разрешения конституционных вопросов, то первый конституционный вопрос возник в эпоху Великих реформ Александра II. Следовательно, о российском конституционализме как самостоятельном феномене общественно-политической мысли можно говорить только начиная со второй половины XIX в. Соответственно, рассматривая современный российский конституционализм, нужно обращать внимание не на оригинальность или вторичность его происхождения, а на степень имплементации архетипов конституционного правосознания в ткань общественной и государственной жизни.

³³ См.: Кочетков В.В. Мнимый конституционализм в России в начале XX века // Федерализм. 2012. № 2 (66). С. 57–68.